

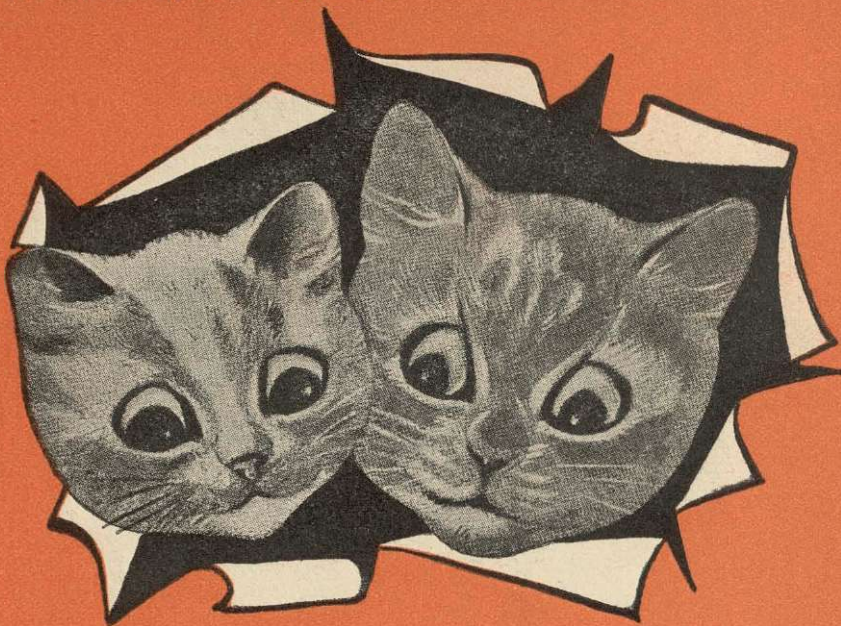
XVII 45
10

Годъ изданія третій

МАЙ

№ 13

1910.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

СОДЕРЖАНІЕ:

КРАСНЫИ ШАРЪ.
ВЕСНА.
ЛИЗА И ЛИЗЕТА (повѣсть).
ВЪ САДУ.
У ДѢДУШКИ.
РЕБУСЪ, ЗАГАДОЧНЫЯ
КАРТИНКИ.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

«Съдая старина» (легенды о быломъ)
соч. А. Г. Гербертсонъ (листь 5-й
съ раскрашенной картинкой).
Какъ знатныя дамы ѣздили при
Екатеринѣ Второй? (картинка для

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Весеннее наводненіе.

КРАСНЫЙ ШАРЪ.

I.

Тося былъ счастливъ безконечно.

Сосѣдка принесла ему съ вербы красный воздушный шаръ, и онъ сталъ его пускать. Онъ привязалъ къ нему нитку, обмоталъ ее нѣсколь-ко разъ себѣ вокругъ пальца, чтобы онъ не вырвался и не улетѣлъ, и, полный восторга, сталъ смотрѣть на него вверхъ, и смотрѣлъ такъ долго, что у него зарябило въ глазахъ.

Подойдя къ дому, онъ далъ шару подняться до второго этажа подъ самое окно, гдѣ сидѣла его мать, и шила на машинѣ. Но, къ его разочарованію, мама даже и не посмотре-ла въ окно.

Какъ вдругъ изъ прачешной раздался голось:

— Ай, да шаръ!.. Ну, и шаръ-же у тебя!

Это была старушка-жилица этого же дома, мывшая въ прачешной бѣлье.

— Скажи на милость, продолжала она,—какая диковинка! Смотри, держи его покрѣпче, а то онъ улетитъ у тебя на самое небо.

— А развѣ онъ можетъ залетѣть на небо? спросилъ Тося и посмотре-лъ на далекія облака.

— Да еще какъ! отвѣтила ста-рушка.—Прямо къ самымъ ангелочкамъ въ руки. Они увидятъ такой славный, красный шаръ и схватятъ его своими ручками.

Тося быстро потянулъ къ себѣ за нитку шаръ, чтобы онъ и въ самомъ дѣлѣ не залетѣлъ на небо, и не до-стался ангелочкамъ.

«У нихъ и такъ много игрушекъ!»! подумалъ онъ.

Нѣтъ! шарикъ останется съ нимъ. А для того, чтобы онъ какъ-нибудь не вырвался изъ рукъ, и не улетѣлъ на небо, онъ рѣшилъ отнести его до-мой.

По узкой деревянной лѣстницѣ онъ вбѣжалъ къ себѣ наверхъ.

— Мама! воскликнулъ онъ,—смо-три-ка, что мнѣ сосѣдка подарила!

Занятая работой, мать едва по-смотрѣла въ его сторону и еще ниже нагнулась надъ работой.

— Да, шарикъ хорошъ... сказала она безучастно.

Тося обидѣлся.

— Да ты посмотри на него по-лучше! продолжалъ онъ, подставляя шаръ ей прямо къ лицу. И загля-нувъ ей въ самые глаза, онъ вдругъ съ испугомъ отдернулъ его прочь.

— Ты плакала, мамочка? спро-силъ онъ ее печально.—Почему ты плакала?

Мать устало откинулась назадъ и посмотрѣла на сына грустными гла-зами.

— О тебѣ я плакала,—сказала она.

Онъ прижался къ ея плечу.

Она обняла его и привлекла къ себѣ такъ близко, что онъ почувствовалъ на своемъ лицѣ ея дыханіе.

— Ты часто огорчаешься, продолжала она,—что я все время сижу за машиной и не играю съ тобой, не учусь вмѣстѣ, не гуляю...

Онъ вздохнулъ и опустилъ глаза.

— Это правда, мама, тихонько отвѣтилъ онъ.— Всегда я одинъ, да одинъ и не съ кѣмъ мнѣ поиграть. Ты даже не хочешь посмотрѣть на мой шарикъ...

— Неужели-же ты думаешь, что я и сама не желаю этого? сказала мать.— Да я-бы съ радостью бѣгала съ тобой и играла-бы даже въ лощадки, но мы бѣдны, сыночекъ. Если бы я не шила съ утра и до поздней ночи, то намъ пришлось бы голодать, и насъ прогнали-бы изъ этой комнаты! Только не дѣлай такого испуганнаго лица, а лучше помолись Боженькѣ, чтобы я была здорова, да самъ будь скромень и послушень, тогда все будетъ хорошо!

Она поцѣловала мальчика въ лобъ, нѣжно отстранила его отъ себя и снова принялась за работу.

Онъ отошелъ къ открытому окну и сталъ въ него глядѣть.

«Такъ, значитъ, мы бѣдны!» подумалъ онъ.— «И что если мама не будетъ шить съ утра до вечера, то чѣмъ мы тогда будемъ жить? Бѣдная, бѣдная мама!»

Теперь только ему стало ясно, почему сосѣдка всегда говорила, что

его мать замучила себя работой и заболѣла отъ нея.

И онъ рѣшилъ просить Боженьку, чтобы Онъ ей помогъ. Вотъ вечеромъ, когда мама будетъ его укладывать спать, онъ сдѣлаетъ видъ, что спитъ, притворится спящимъ и, когда мама уйдетъ, онъ вскочитъ на колѣнки и помолится Ему.

Легкій вѣтерокъ игралъ съ шаромъ и тянулъ его къ себѣ въ окошко; но длинная нитка все еще была обвита вокругъ пальца Тоси и не давала ему улетѣть. Самъ онъ слѣдилъ за полетомъ шара и вдругъ ему въ голову пришла счастливая мысль. Не написать-ли Боженькѣ письмо и не отослать-ли его къ Нему съ шаромъ прямо на небо?

И онъ быстро сѣлъ за столъ и написалъ это письмо. Проткнувъ въ этомъ письмѣ гвоздикомъ дырочку, онъ затѣмъ привязалъ его къ шару и съ бьющимся сердцемъ подошелъ къ окну и выпустилъ шаръ съ письмомъ на волю...

Шаръ вырвался изъ его рукъ и полетѣлъ. Тося видѣлъ, какъ онъ быстро поднялся на воздухъ и какъ затрепетала въ воздухѣ бѣлая бумажка!

Вотъ онъ залетѣлъ за уголъ дома, вотъ показался еще разъ, а затѣмъ полетѣлъ дальше и скоро совершенно исчезъ изъ вида.

Мальчикъ долго стоялъ на колѣняхъ у открытаго окна, смотрѣлъ въ далекое голубое небо и тихо и горячо молился.

— Прошу Тебя, милый Боженька! пусти мой шарикъ къ себѣ на небо и прочти, ужъ непременно прочти то, что я Тебѣ написалъ!

II.

За много верстъ отъ этого городка находилась усадьба богатой помѣщицы Мироновой.

Роскошный домъ ея скрывался въ тѣни густого сада. Любя тишину, она проводила большую часть года въ своемъ имѣнии, переѣзжая въ городъ только на зиму. Въ тотъ день, когда Тося выпустилъ свой шаръ на небо, она сидѣла со своей компаньонкой за завтракомъ и поглядывала въ открытое окно.

— Ахъ, посмотрите, пожалуйста, вдругъ обратилась она къ компаньонкѣ,—что это тамъ на кустахъ акаціи треплется по вѣтру? Что-то бѣлое, какъ-будто письмо?

— Да, да!—подтвердила и компаньонка. И, внимательно посмотрѣвъ въ окно, она сказала:

— Это письмо, привязанное за нитку къ вѣткѣ!

Тотчасъ-же было приказано лакею достать это письмо съ дерева и, спустя нѣсколько минутъ, оно уже находилось въ рукахъ у самой барыни. Помѣщица осмотрѣла его съ большимъ любопытствомъ со всѣхъ сторонъ.

— Чтò бы это значило? сказала она.—Кто прислалъ это письмо и для чего это къ нему привязанъ этотъ красный резиновый комочекъ?

— Я догадываюсь, что это такое!—вдругъ воскликнула компаньонка и отвязала бумажку отъ комочка.—Это лопнувшій воздушный шарикъ, какой обыкновенно дарятъ дѣтямъ въ городѣ на праздникъ.

И она передала письмо своей госпожѣ. Помѣщица развернула бумажку и въ полголоса прочитала ее:

«Милый Боженька! сдѣлай такъ, чтобы моя мама больше не мучилась. Отъ вѣчнаго шитья она можетъ заболѣть. Тогда намъ нечего будетъ кушать и мама умретъ. Тогда, я тоже умру.

«Милый Боженька! Ты вѣдь все можешь. Такъ помоги же намъ, а то мнѣ грустно. Шарикъ мой пришли, пожалуйста, обратно; у Ангеловъ игрушекъ и безъ того очень много, а у меня нѣтъ ни одной.

«Помоги намъ, Боженька, будь такъ добръ! Напиши мнѣ письмо.

Тося Голубевъ».

«Озерная улица, домъ номеръ седьмой, на заднемъ дворѣ».

Помѣщица прочитала это письмо и перекрестилась.

— Это мнѣ указаніе отъ Бога, сказала она,—кому я должна помочь.

И быстро поднявшись изъ-за стола она приказала запречь лошадей и поѣхала въ городъ.

Найти Озерную улицу было очень легко. Передъ домомъ № 7 коляска остановилась и помѣщица вышла изъ нея. Узкимъ дворомъ она прошла къ заднему дому и стала подниматься по

мрачной лѣстницѣ. Маленькій мальчуганъ встрѣтилъ ее на пути. Это былъ Тося.

— Скажи-ка, малышъ, — обратилась она къ нему ласково, — въ которомъ этажѣ живетъ портниха Голубева?

— Во второмъ! — отвѣтилъ онъ, — это моя мама, она дома.

Дама осмотрѣла его внимательно со всѣхъ сторонъ.

— Такъ значитъ это ты Тося Голубевъ? спросила она.

Мальчикъ утвердительно кивнулъ головою. Испытующій взглядъ чужой дамы смущалъ его.

Сердце помѣщицы сразу прониклось какою-то нѣжностью и добротой.

«Какое хорошее, открытое личико у него», подумала она и взяла его за руку.

— Вѣдь это ты писалъ къ Боженькѣ письмо? спросила она его. — Онъ прислалъ это письмо ко мнѣ, чтобы я помогла твоей мамѣ.

Отъ волненія Тося то блѣднѣлъ, то краснѣлъ и не могъ выговорить ни одного слова. Неужели Боженька получилъ его письмо?

Пріѣзжая дама поднялась съ Тосей во второй этажъ къ его матери и о чемъ-то долго съ ней вела разговоръ. И что она говорила съ ней, такъ Тося и не понялъ ничего. Одно только было для него очевидно, что лицо его мамы вдругъ засвѣтилось радостью и она какъ-то сразу вдругъ перемѣнилась, стала румяной отъ волненія и засіяла.

Съ той минуты въ жизни Тоси все приняло совсѣмъ другой оборотъ. Скоро его мать открыла свою собственную модную мастерскую, взяла къ себѣ помощницу и мастерицъ и дѣло закипѣло такъ, точно существовало уже давно. Квартиру перемѣнили. Теперь уже на столѣ стали

Шаръ вырвался изъ его рукъ и полетѣлъ.

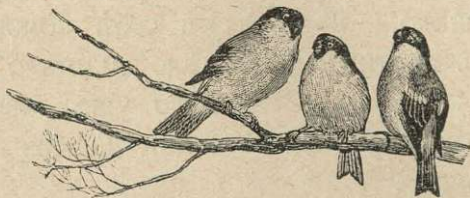
появляться и аппетитные щи и вкусныя булочки, до которыхъ Тося былъ большой охотникъ. Его мамѣ теперь не нужно было болѣе переутомляться работой, у нея стали появляться часы отдыха, которые она цѣликомъ стала посвящать своему сыну Тосѣ. А когда

онъ выросъ, то она смогла дать ему хорошее образованіе.

Но въ какомъ бы возрастѣ Тося ни находился, онъ всегда помнилъ о крас-

номъ шарѣ, своемъ письмѣ и пріѣзжей дамѣ, которая такъ деликатно сдумѣла имъ помочь.

В. фонъ-Бергъ.

ВЕСНА.

Уже оттаяла земля,
Ужъ на крыжовникѣ листочки
И на деревьяхъ бухнуть почки
И улыбаются поля.

Кричатъ грачи, скворцы свистятъ,
Поютъ и всѣ другія птички,
Онѣ несутъ уже яички
И скоро выведутъ цыплятъ.

Пришла, пришла ужъ къ намъ весна!
Ужъ лѣсъ одѣлся сѣрой дымкой
И какъ-то сразу, невидимкой,
Проснулось все кругомъ отъ сна.

Проснулись пчелы и жучки
И залетали бодро мушки
И на пенъкахъ, въ лѣсной опушкѣ,
Ужъ показались сморчки.

Падетъ туманъ, пройдутъ дожди,
Но ужъ теперь не страшно это:
Пришла весна, настанетъ лѣто
И счастье, счастье впереди!

Ирисъ.

ЛИЗА и ЛИЗЕТТА.

(Повѣсть).

Маленькій домикъ, весь обросшій розами; передъ нимъ—дворикъ, покрытый мягкой, зеленой травкой, и тутъ же небольшой садикъ и огородъ.

Половина іюня; голубое небо ясно; въ воздухѣ тепло; солнышко свѣтитъ весело и весь садикъ въ цвѣту. Пахнетъ сиренью и нѣжнымъ запахомъ лилій.

На скамеечкѣ, въ тѣни липоваго дерева, сидитъ дѣвочка лѣтъ десяти и вышиваетъ. Около нея вертятся черненькая собачка и бѣлая кошечка. Старая, сѣдая няня полощетъ у колодца бѣлье и ласково бормочетъ:

— Ахъ, ты моя умница! Вышиваетъ! Да еще какъ хорошо!

А затѣмъ она прибавляетъ громко:

— Что это у тебя за спѣшная работа такая, Лизочка? Не пора-ли отдохнуть?

— Нѣтъ, нянечка, отвѣчаетъ дѣвочка,—немного осталось!

— Ты-бы покушала чего--нибудь!

— Спасибо, не хочу...

Лиза продолжаетъ работать. Собачка Тютка лаетъ и теревитъ ее за платье, кошечка Пушистка трогаетъ ее лапкой. Она отвѣчаетъ:—

— Хорошо, хорошо, сейчасъ! Только не мѣшайте, пожалуйста, съ нашимъ приставаньемъ!

И она не теряетъ времени даромъ. Она вышиваетъ и спѣшитъ.

Ея фамилія — Жуковская. Она мало помнитъ своего отца, потому что онъ умеръ уже давно, когда ей было еще всего только пять лѣтъ. Она живетъ теперь съ мамой и съ няней Агашей въ своей дачкѣ, недалеко отъ Москвы. Тамъ онѣ живутъ круглый годъ.

Съ балкона домика видна бѣловатая лента шоссе, по бокамъ котораго за деревьями прячутся другія дачи. Потомъ тянутся засѣянные поля, а затѣмъ серебряною змѣйкой вьется рѣка и на самомъ горизонтѣ

видны башни и зубчатая стѣна древняго монастыря съ его стройной высокой колокольней. Лиза любитъ смотрѣть на рѣку, на дачи и на монастырь и это ее занимаетъ. У нея нѣтъ другихъ развлеченій и нѣтъ другихъ товарищей для игръ, кромѣ Тютки и Пушистки. Но ей и этого довольно. Она счастлива—и больше не желаетъ ничего.

Съ тѣхъ поръ, какъ ея отецъ умеръ, ея мать, Надежда Ивановна, осталась безъ средствъ; она бѣдна и принуждена часто ѣздить въ Москву и давать тамъ уроки музыки, для того, чтобы содержать себя, Лизу и няню Агашу. Родственниковъ у нея не было никого, кромѣ тетки мужа—графини Тохтамышевой, которая воспитала еще отца Лизы, когда онъ былъ мальчикомъ, и очень его любила. Но она была очень сердита на него за то, что онъ женился не на той дѣвушкѣ, которую она предназначала ему въ жены, а на Лизиной мамѣ—Надеждѣ Ивановнѣ, и не могла ему этого простить.

— Виданное ли дѣло, восклицала она, — чтобы онъ, мой племянникъ Жуковскій, принадлежащій по матери къ знатному роду графовъ Тохтамышевыхъ, и вдругъ женился на какой-то учительницѣ музыки или гувернанткѣ! Я не прощу ему этого никогда!

Та дѣвушка, которую графиня предназначала въ жены Лизиному папѣ, вскорѣ вышла замужъ за другого племянника графини, нѣкоего

генерала Сумцова, и тоже скоро овдовѣла. Она жила теперь со своей дочерью Лизеттой, какъ она называла ее на французскій манеръ, одна. Ли-

На скамеечкѣ сидитъ дѣвочка и вышиваетъ.

зетта была старше Лизы на два года. Обѣ дѣвочки никогда еще не видались и даже не знали другъ о другѣ. Графиня Тохтамышева относилась къ Надеждѣ Ивановнѣ свысока и даже не позволяла при себѣ говорить ни о ней, ни объ ея дочери Лизѣ. Зато Лизетта пользовалась ея полнымъ расположеніемъ.

Надежда Ивановна зарабатывала уроками очень немного и часто задумывалась о будущемъ. Ей хотѣлось отдать Лизу въ институтъ приходящей, чтобы ввести ее въ среду дѣвочекъ - сверстницъ, такъ какъ ей казалось, что дѣвочкѣ далеко не весело проводить цѣлые дни одной въ обществѣ старой няни, кошки и

собаки,—но что дѣлать? Она еле-еле зарабатывала себѣ на хлѣбъ насущный, и если-бы у нея не было своего собственнаго домика, который приобрѣлъ еще ея покойный мужъ, то имъ и вовсе было-бы плохо. А что станется съ Лизой, если она заболѣетъ? Какъ оставить ее безъ образованія? Что съ нею будетъ?

И ее успокаивала одна только мысль, что ихъ не оставитъ Богъ.

Въ этотъ день вечеромъ она получила письмо съ графской короной на конвертѣ. Это заставило ее взволноваться. Письмо было изъ Ялты, отъ старой графини Тохтамышевой, жившей тамъ въ своей богатой виллѣ «Ай-Петрианѣ».

— Ты, Лиза, хочешь разстаться со мной? спросила мать.

Научилась читать.

Разорвавъ конвертъ дрожащей рукой, Надежда Ивановна начала читать и при этомъ лицо ея, всегда немного блѣдное, сильно покраснѣло, а на глазахъ навернулись слезы. Это писала ей сама графиня:—

«Милостивая государыня.

«Я васъ не знаю, но ваша дочь приходится мнѣ внучкой, и о ней-то я вамъ и пишу. Я навела справки о вашемъ положеніи и узнала, что вамъ живется трудно. Извините за откровенность, но я привыкла говорить прямо. Я предлагаю вамъ слѣдующее: я дамъ вашей Лизѣ такое образованіе, какого вы дать ей не сможете; впослѣдствіи я выдамъ ей и приданое. Но она должна жить у меня. Вы будете пріѣзжать къ намъ, когда пожелаете, и будете видѣться съ вашей дочерью. Я буду ее воспитывать такъ, что вы не раскаетесь. Будьте увѣрены, что я употреблю всѣ усилія, чтобы сдѣлать вашу Лизу почтительной дочерью, и дать ей образованіе, достойное того имени, которое она носить».

«Если вы принимаете мое предложеніе, то напишите мнѣ. Я пришлю тогда за дѣвочкой довѣренную особу. Надѣюсь, что вы поймете меня и подумаете о благѣ вашей дочери.

Графиня Тохтамышева».

Прочитавъ это письмо, Надежда Ивановна нашла въ себѣ достаточно храбрости, чтобы не расплакаться, и глаза ея еще долго были сухи. Только часъ спустя она горько за-

плакала. И когда Лиза увидела ее, то она сразу же поняла, что ея мама чѣмъ-то обезпокоена.

— Что съ тобою? спросила она.

— Такъ, ничего... отвѣтила мать, стараясь казаться спокойной.

— У тебя красные глаза. Ты плакала?...

— Это такъ... Отъ вѣтра.

Лиза недовѣрчиво покачала головой. Надежда Ивановна поднялась съ мѣста и ушла къ себѣ въ комнату. Дѣвочка поглядѣла ей вслѣдъ и долго не могла приняться за дѣло. А затѣмъ, услышавъ рыданія, она пріотворила дверь въ комнату къ матери, просунула въ щель голову и увидела, что Надежда Ивановна сидитъ въ креслѣ и, закрывъ платкомъ лицо, вздрагиваетъ плечами. Она тотчасъ-же бросилась къ ней и обвила ея шею руками.

— Скажи мнѣ, мамочка, о чемъ ты плачешь? спросила она и почувствовала, что готова расплакаться и сама.—У тебя на душѣ есть горе?

Надежда Ивановна посмотрѣла на дочь, грустно улыбнулась, поцѣловала ее нѣжнѣе обыкновеннаго и затѣмъ рѣшилась.

— Хорошо, дорогая моя, отвѣтила она,—я расскажу тебѣ, о чемъ я плачу. Ты уже большая, умѣешь разсуждать и поймешь меня.

Лиза обрадовалась и усѣлась къ ней на колѣни.

Тогда мать рассказала ей, что у нея есть старая и очень богатая бабушка-графиня, которая прислала

письмо и предлагаетъ своей внучкѣ Лизѣ навсегда поселиться у нея въ ея Ялтинской виллѣ. Навсегда.

— Безъ тебя? воскликнула Лиза.

— Да, безъ меня.

— Тогда отвѣть этой графинѣ, что я не поѣду къ ней ни за что! Она, должно быть, злая эта графиня?

— Нѣтъ, не злая, но любить, чтобы ей подчинялись.

— Я тоже люблю, чтобы мнѣ подчинялись мои Тютка и Пушистка, отвѣтила дѣвочка и звонко засмѣялась.

Надежда Ивановна тоже улыбнулась.

— Послушай, мамочка, вдругъ воскликнула Лиза и соскочила съ колѣней мамы.—Напиши этой старой тетѣ, что ты согласна отпустить меня къ ней.

Глаза у нея засверкали. Она что-то придумала свое.

— Ты, Лиза, хочешь разстаться со мной? спросила мать.

— На короткое время, только на самое короткое время! Я вовсе не стремлюсь въ Ялту и въ эту роскошную виллу Ай-Петріану. Эта наша дачка для меня дороже всего на свѣтѣ. Никакія богатства въ мірѣ меня не прельщаютъ, но я хочу туда поѣхать. Вѣдь графиня не видала тебя никогда и не знаетъ тебя, а ты—самая лучшая мамочка на свѣтѣ! Если-бы она знала тебя, то давно-бы уже тебя полюбила. Я поѣду туда и буду тамъ такъ послушна, такъ любезна, буду такъ хорошо учиться,

что она удивится и спроситъ:—«Кто это тебя такъ научилъ?». А я ей отвѣчу:—«Это моя мама!»! Послѣ этого она сама захочетъ поближе познакомиться съ тобой и перестанетъ на тебя сердиться.

Дѣвочка бросилась къ матери на шею и обняла ее такъ горячо, что бѣдная женщина едва могла вздохнуть.

— Ты понимаешь, продолжала Лиза строить свои планы,—я поѣду въ Ялту и проживу тамъ цѣлое лѣто. Я увѣрена, что за это время уладится все. Если графиня все еще будетъ дуться на тебя, то и я тоже обижусь и вернусь къ тебѣ, домой, и пусть она остается тамъ одна и ее больше никто не будетъ любить!

Весь вечеръ затѣмъ Лиза весело болтала о предстоящей поѣздкѣ и наконецъ развеселила и свою маму. Надежда Ивановна стала улыбаться и разлука съ дочерью уже не стала ей казаться такою страшною, какъ въ первую минуту. Въ концѣ концовъ все оказалось придуманнымъ недурно. Чѣмъ болѣе Надежда Ивановна думала, тѣмъ болѣе привыкала къ мысли, что графиня-бабушка была права и что Лизу нельзя оставить безъ образованія. Два дня спустя, она уже написала въ Ялту отвѣтъ. Съ стѣсненнымъ отъ предстоящей, хотя и временной, разлуки съ дочерью сердцемъ она написала графинѣ коротенькое, но полное достоинства письмо, въ которомъ упомянула только о томъ, что ввѣряетъ

ея добротѣ свою дочь и просить любить ее въ память прежней привязанности ея къ ея покойному племяннику, отцу Лизы. Кончила она такъ:

«Черезъ три-четыре дня все будетъ готово къ отъѣзду и я буду ждать ту особу, которая доставить мою Лизу къ вамъ».

Каждая строчка этого письма была проникнута глубокой материнской любовью.

Въ теченіе всей этой недѣли Надежда Ивановна плакала каждый день, но скрывала свои слезы отъ Лизы, чтобы не опечалить ея. Маленькая дѣвочка тоже грустила. По мѣрѣ того, какъ время текло, она все сильнѣе и сильнѣе чувствовала, какъ трудно разставаться матерью. Но ея дѣтскій разумъ говорилъ ей, что это необходимо, и она принимала спокойный видъ, хотя графиня и пугала ее нѣсколько предстоящей встрѣчей.

— Это не надолго,—уговаривала она себя.—Я не должна показывать мамѣ своей грусти.

Дѣвочка держала себя бодро и ея доброе сердце подсказывало ей всевозможные способы къ тому, чтобы утѣшить бѣдную мать. Она ходила за нею, какъ тѣнь, и помогала ей укладывать вещи, книжки и ноты.

— Я возьму съ собою своихъ обѣихъ куколъ, мамочка,—говорила она,—и уложу только одни лѣтнія платья ихъ, потому что вернусь домой ранѣе наступленія осени. Я взяла

бы съ собою также и Тютку и Пушистку, но онѣ скоро соскучатся. Пусть лучше онѣ остаются съ тобою и утѣшаютъ тебя. Ты имъ будешь говорить обо мнѣ и они поймутъ, потому что онѣ очень умныя животныя.

Нянкѣ своей она говорила:

— Смотри,-же, няня, не скучай безъ меня; иначе ты меня заставишь плакать.

— Этотъ ребенокъ—чистое золото,—умилялась нянька и плакала въ три ручья.—Право, не слѣдовало бы отпускать ее къ какой-то злой графинѣ, въ какой-то татарскій, не то турецкій городъ. Господь ихъ знаетъ, какъ тамъ у нихъ!

Лиза ни одной минуты не оставалась безъ дѣла. Время шло быстро и наконецъ пролетѣли и восемь дней.

Однажды утромъ у воротъ позвонилась небольшого роста дама съ сѣдыми волосами и пріятнымъ лицомъ.

Няня отперла ей мрачно, и поглядѣла на нее изподлобья, такъ какъ поняла, что это посланная отъ графини.

— Вамъ кого надо?—спросила она ее почти грубо.

— Г-жа Жуковская здѣсь живетъ? отвѣтила незнакомка.

— Здѣсь...

И, не проводивъ гостью даже до крыльца, она убѣжала къ себѣ въ кухню плакать.

Одѣтая во все черное, гостя поднялась на крыльцо, вошла въ пе-

редною и раздѣлась. Къ ней выбѣжала Лиза и пригласила ее войти. Сердце ребенка забилося, такъ какъ Лиза сразу-же догадалась, что это была посланная изъ Ялты. Затѣмъ вышла сама Надежда Ивановна. Увидѣвъ незнакомку, она почувствовала, какъ ея сердце затрепетало, но овладѣла собой и постаралась быть любезной.

— Милости просимъ... сказала она.— Мы васъ ожидаемъ уже давно.

Гостыя поцѣловала Лизу въ обѣ щеки и протянула руку ея мамѣ.

— Я—учительница Каштанская, сказала она.—Графиня Тохтамышева поручила мнѣ привезти къ ней ея внучку. Вѣроятно, эта милая дѣвочка и есть ея внучка?

Лиза сдѣлала ей реверансъ.

— Да, отвѣтила она и присѣла еще разъ.

Вошли въ гостиную и сѣли. Наступило неловкое молчаніе.

— Мы можемъ уѣхать сегодня-же вечеромъ, продолжала Каштанская, чтобы только говорить.— Двѣ ночи мы проведемъ въ вагонѣ, а на вторыя сутки къ вечеру будемъ уже въ Ялтѣ.

Она и не знала, какое страданіе она причиняла этими словами бѣдной Надеждѣ Ивановнѣ.

— Я отлично помню вашего покойнаго мужа, продолжала гостыя.— Онъ выросъ на моихъ глазахъ. Графиня очень расположена ко мнѣ и я живу у нея уже тридцать лѣтъ... Какъ ваша дочка похожа на него! Какъ двѣ капли воды!

Она притянула Лизу къ себѣ и горячо ее поцѣловала. Ободренная этимъ, дѣвочка обняла ее.

— У графини было въ жизни очень много страданій, продолжала гостыя,—поэтому у нея очень строгое лицо. Но она вовсе не злой чело-вѣкъ. Я увѣрена въ томъ, что она скоро привяжется къ вашей дочери и къ вамъ.

— Видишь, мамочка! радостно воскликнула Лиза.

— Я и мой братъ уже давно подготовили ваше сближеніе, все еще продолжала гостыя.—Графиня старѣется съ каждымъ днемъ; она совершенно одинока, ее некому приласкать.

— Но вѣдь у нея есть и другая внучка?—сказала Надежда Ивановна.

Надежда Ивановна стоя на крыльцѣ, глядѣла вслѣдъ удалявшемуся экипажу.

— Да, это Лизетта и ея мама, генеральша Сумцова... Но онѣ не всегда ладятъ между собой.

Гостыя спохватилась, что зашла слишкомъ далеко, но, поглядѣвъ на мать и дочь, прониклась къ нимъ довѣріемъ и разоткровенничалась еще больше.

— Генеральша Сумцова очень недовольна тѣмъ, что старая графиня хочетъ приблизить къ себѣ вашу дочь. Она желала-бы одна пользоваться ея расположеніемъ, и потому давно уже живетъ въ «Ай-Петріанѣ» со своею дочерью Лизеттой, у которой нельзя сказать, чтобы былъ очень хорошій характеръ...

И, притянувъ къ себѣ еще разъ Лизу, Каштанская сказала:

— Ты очень любишь свою маму? Я вижу это. Я увѣрена, что съ перваго-же твоего появленія у насъ въ Ялтѣ, всѣ тебя тотчасъ-же полюбятъ.

Затѣмъ всѣ сѣли завтракать. Завтракъ прошелъ быстро, но за ѣдою никто не говорилъ. Несмотря на ободряющія рѣчи Каштанской, сердце Лизы сжималось отъ предстоящей разлуки съ матерью, а Надежда Ивановна испытывала страхъ, предчувствовала дурное и была грустна.

*
* * *

На другой день вечеромъ Лиза уѣхала въ Крымъ, и ея мама осталась одна. Няня рыдала, спрятавъ лицо въ передникъ. Сама Надежда Ивановна, стоя на крыльцѣ, глядѣла

вслѣдъ удалявшемуся экипажу, который чернѣлъ на бѣловатомъ шоссе къ станціи желѣзной дороги. Затѣмъ онъ скрылся и уже не стало видно бѣлаго платочка, которымъ Лиза махала своей мамѣ.

Чтобы хоть немного разсѣяться, Надежда Ивановна и сама занялась приготовленіями къ отъѣзду. Ей нужно было поѣхать въ Москву, дать тамъ нѣсколько уроковъ музыки и сдѣлать кое-какія покупки.хлопоты и сборы, хотя она это дѣлала и чуть не каждый день, нѣсколько отвлекли ее отъ грустной дѣйствительности.

А Лиза и ея старушка-спутница Каштанская доѣхали до станціи, сѣли въ поѣздъ и покатили въ Крымъ. Для того, чтобы отвлечь дѣвочку отъ печальныхъ мыслей, добрая женщина старалась обратить ея вниманіе на всякую мелочь, попадавшуюся имъ на пути. Она указывала ей на помѣщичьи усадьбы, на города и большія села, на встрѣчавшіеся рѣчки, овраги и мосты и вообще старалась не давать ей задумываться. Лиза смотрѣла на все съ удивленіемъ и любопытствомъ. Солнце свѣтило ярко и волшебнo освѣщало зеленую травку, кусты, лѣса и всевозможные полевые цвѣты. Мелькнула ночь, затѣмъ другая—и вотъ наконецъ онѣ въ Крыму. Поѣздъ поднимается все вверхъ и вверхъ, Лиза не можетъ наглядѣться на открывающіеся передъ ней пейзажи, на сады, ручейки, на кокетливые домики и на синѣющее

вдалекѣ Черное море. Но вотъ поѣздъ спускается внизъ, объѣзжаетъ кругомъ всю бухту, на которой стоятъ пароходы и корабли, и останавливается у вокзала. Путь конченъ.

— Станція Севастополь! кричитъ кондукторъ.

Лиза и ея спутница выходятъ изъ вагона, садятся въ экипажъ и ѣдутъ прямо на пароходъ.

Проходитъ часъ-другой и пароходъ снимается съ якоря и отправляется въ путь. Лиза стоитъ на палубѣ и не можетъ оторваться отъ берега. Вотъ уже Севастополь остается позади, вотъ Херсонесскій маякъ, вонъ вдали виднѣтся одинокій Георгіевскій монастырь, а вотъ уже потянулись и лиловыя горы, заходящія за облака. Море спокойно, изъ воды выскакиваютъ дельфины и бѣгутъ за пароходомъ. Лиза глядитъ на нихъ, на море, на открывающіеся передъ нею берега и не вѣритъ своимъ глазамъ.

«Вотъ-бы сюда маму!» думаетъ она.—«Какъ-бы она здѣсь отдохнула, какъ-бы намъ было весело вдвоемъ!»

Но вотъ уже и Ялта. Заходитъ солнце и горы хмурятся. На пристани и на молу толпится народъ. Пароходъ долго пристааетъ къ берегу, наконецъ бросаетъ мостки, и въ него массаи врываються турки-носильщики, чтобы помочь пассажирамъ вынести ихъ вещи. Къ Лизѣ и Каштанской подходитъ представительный лакей въ ливреѣ, обшитой галунами,

почтительно кланяется имъ и не безъ любопытства поглядываетъ на Лизу.

— Пожалуйте въ экипажъ, а я заберу свертки и чемоданъ, говоритъ онъ такимъ тономъ, точно обѣ онѣ были маркизы.

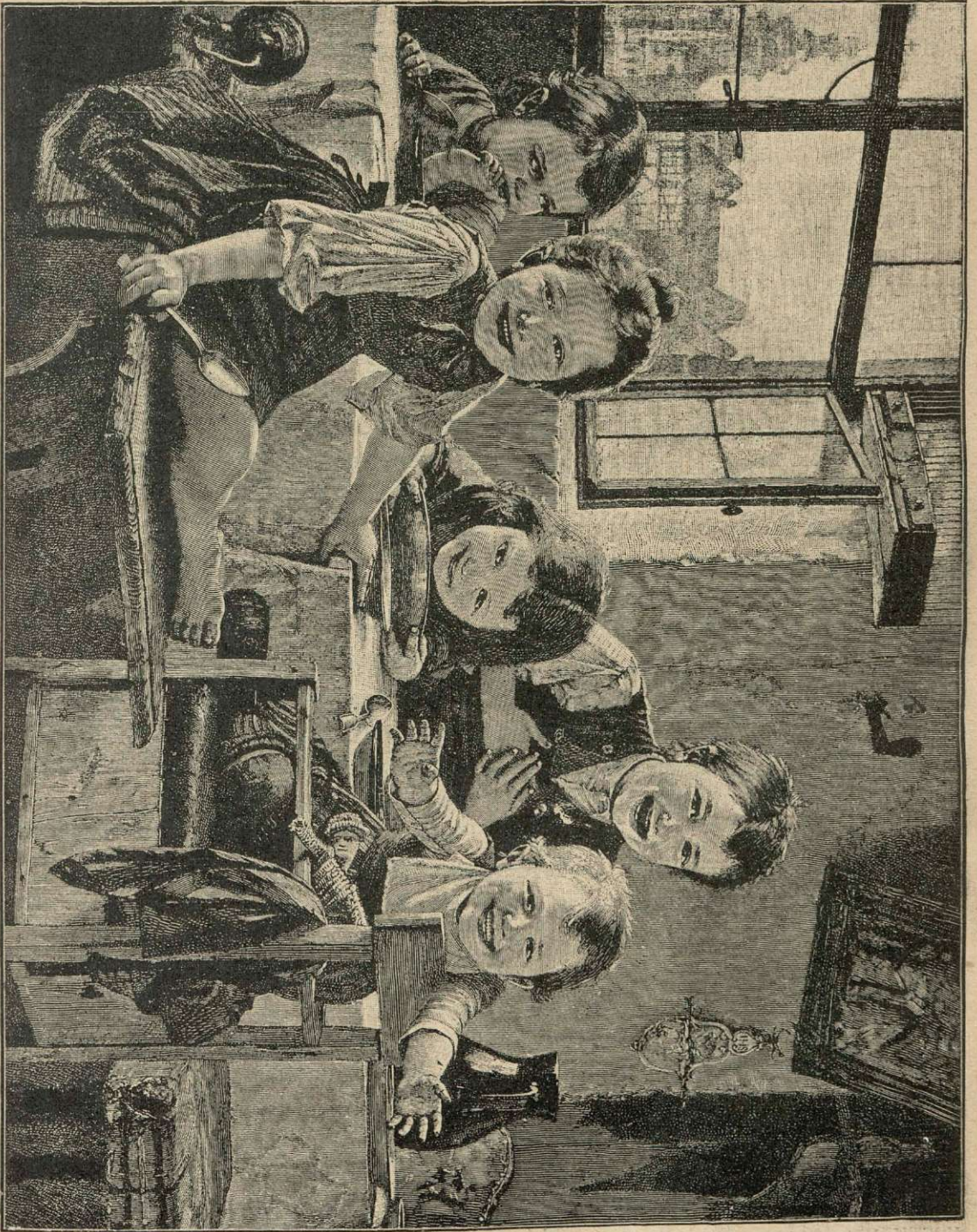
Каштанская отдаетъ ему свою дорожную сумку, накидку, зонтики и багажную квитанцію. Лакей уходитъ и черезъ нѣсколько минутъ все уже уложено въ изящный экипажъ—и обѣ путешественницы садятся въ него, лакей вскакиваетъ на козлы рядомъ съ кучеромъ, и онѣ съ пикомъ мчатся вдоль набережной на виллу Ай-Петріану.

Лиза устала съ дороги и отъ проведеннаго въ хлопотахъ цѣлаго дня. Глаза ея стали слипаться. На дворѣ спускался уже вечеръ и она уже не видала ни живописныхъ улицъ, ни горъ, ни открывавшейся впереди панорамы. Она дремала и ея спутница не тревожила ее.

Но вотъ городъ остается уже позади нихъ, въ немъ зажигаются тамъ и сямъ огоньки и перемигиваются между собой; лошади стучатъ копытами по шоссе и наконецъ въѣзжаютъ въ аллею высокихъ, темныхъ кипарисовъ. Изъ-за густыхъ деревьевъ показываются ярко освѣщенные окна. Кругомъ слышится запахъ розъ и магнолій, кричатъ цикады.

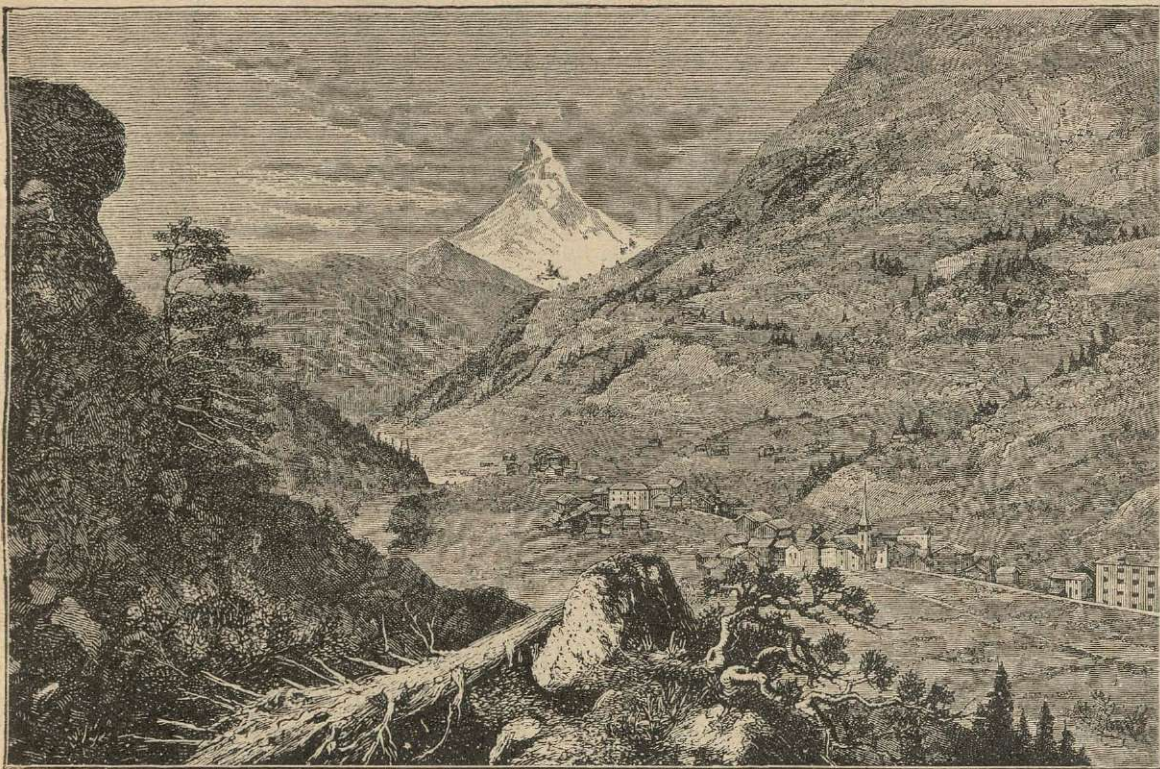
Это—вилла Ай-Петріана.

Лиза перестаетъ дремать и старается глядѣть во всѣ глаза. Сердечко ея начинаетъ трепетать отъ

Сейчасъ дадутъ кисели.

ВЪЗРАЖЕНІЯ И ОТВѢТЫ НА НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
ПО СЛУЖЕБНОМУ ЗАКОНУ

Гора Маттергорнъ въ Сѣверной Италіи, въ Альпахъ.

страха и предположеній, и она ищетъ руку своей спутницы и горячо ее сжимаетъ. Та отвѣчаетъ на ея рукопожатіе и ободряетъ ее взглядомъ, котораго она за темнотою не видитъ.

Экипажъ останавливается у подъѣзда. Встрѣтить прибывшихъ не выходитъ никто. Это кажется Лизѣ нехорошимъ предзнаменованіемъ и ей хочется плакать. Она сходитъ съ экипажа; ея спутница беретъ ее за руку и обѣ поднимаются по роскошной лѣстницѣ. Лакей идетъ впереди

нихъ и, отворивъ передъ ними дверь во внутренніе покои, громко докладываетъ кому-то:

— Барышня Жуковская изъ Москвы и г-жа Каштанская!

Лиза видитъ себя въ очень большой, ярко освѣщенной комнатѣ, гдѣ все полно роскоши и красоты. Въ глубинѣ ея стоятъ двѣ особы и осматриваютъ пріѣзжихъ съ холоднымъ любопытствомъ. Это генеральша Сумцова и ея дочь.

М. Б.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ САДУ.

Иду по саду я... Красиво все, опрятно: Мнѣ хочется въ лѣсокъ неприхотливый,
 Посыпаны пескомъ дорожки акуратно, Гдѣ чуть замѣтно извивается тропинка,
 Стройны и правильны ряды аллей, Дрожитъ межъ пыльными кустами
 Подстрижены верхушки тополей. паутинка,
 На клумбахъ розы пышныя, гвоздика И сладко пахнетъ дикими цвѣтами,
 и левкой И прошлогодними гниющими листьями,
 Взлелѣяны заботливой рукой. Хрустятъ сухія вѣтки подъ ногой,
 Но странно... какъ-то чуждъ мнѣ И шумно носится букашекъ рѣзвыхъ
 этотъ садъ красивый... рой!

А. Н.

У ДѢДУШКИ.

Когда Лилѣ минуло семь лѣтъ, Мы приѣхали въ Москву. Теперь надо
 то ее повезли къ дѣдушкѣ въ усадьбу, далеко, въ Харьковскую губернію. переѣзжать на другой вокзалъ.
 Для дѣвочки было очень странно Лиля снова повалилась на подушку.
 ѣхать чуть не двое сутокъ, и все по — Еще ночь, сказала она, успѣемъ!
 пути ее очень занимало. Изъ Петербурга выѣхали въ ночь; мама устроила И она снова закрыла глаза и при-
 ей на диванчикѣ постельку и уложила ее. Лиля лежала, слышала, готовилась продолжать свой сонъ,
 какъ подъ поломъ стучали колеса но мама вновь стала ее тормозить.
 вагона, и долго не могла уснуть. — Да вставай-же, засоня! сказала
 Но подъ конецъ ее укачало, она закрыла глаза и очень удивилась, она. — Вѣдь насъ здѣсь никто не
 когда мама вдругъ стала ее будить. будетъ ждать!
 — Вставай, Лиля, вставай! Мы Лиля поднялась, протерла глазки,
 уже приѣхали! зѣвнула и стала нехотя одѣваться.
 Было уже свѣтло, поѣздъ стоялъ у Мама помогла ей; затѣмъ онѣ со-
 какой-то большой станціи, въ вагонѣ суетились носильщики и хватали брали всѣ свои пожитки, вышли изъ
 пассажирскія вещи, чтобы ихъ вы- вагона и наняли извозчика. Онъ по-
 нести наружу. везъ ихъ на Курскій вокзалъ. Пока
 — Гдѣ мы? спросила Лиля. онѣ ѣхали черезъ Москву, Лиля скло-
 — Въ Москвѣ, отвѣтила мама. — нилась къ мамѣ на плечо и снова
 вздремнула. Сквозь сонъ она слы-
 шала, какъ ее кто-то взялъ на руки
 и вновь внесъ въ вагонъ. Затѣмъ
 онѣ поѣхали. Когда-же она выпала-
 лась и открыла глаза, то свѣтило

яркое солнце и поѣздъ проѣзжалъ черезъ поля и дуга, по которымъ струились рѣчки. Затѣмъ онъ вѣхалъ въ лѣсъ, по которому Лилѣ вдругъ захотѣлось побѣгать. Далѣе потянулись опять поля и лѣса, и наконецъ за Курскомъ стали встрѣчаться вѣтряныя мельницы и бѣленькія крестьянскія хатки. Лиля смотрѣла на нихъ изъ окна и ей казалось, что она была не въ поѣздѣ, а на представленіи въ кинематографѣ. Поднимались высокія мѣловыя горы; около желѣзнодорожныхъ будокъ росли уже не березы, а пирамидальныя тополи и попадались цвѣтушіе вишневые сады. Засѣянныя поля смѣнялись оврагами, и когда останавливались на станціяхъ, то слышалась уже мало-россійская рѣчь.

День промелькнулъ какъ-то незамѣтно, наступила затѣмъ вторая ночь, въ которую Лиля спала такъ крѣпко, что не слыхала ничего, и вотъ, наконецъ, и та станція, невдалекѣ отъ которой дѣдушкина усадьба. Когда Лиля открыла глаза, то опять было свѣтло и на платформѣ ихъ дожидался самъ дѣдушка. Лиля сразу-же узнала его, потому что у нихъ въ Петербургѣ былъ его портретъ. Онъ поцѣловалъ ея маму, поднялъ Лилю высоко и тоже крѣпко поцѣловалъ ее въ обѣ щеки. Это былъ еще свѣжій, румяный старикъ съ большими сѣдыми волосами, зачесанными назадъ, и съ сѣдыми усами. Глаза и брови у него были черныя и онъ такъ ласково поглядывалъ на

свою внучку, что Лиля тотчасъ-же поняла, что будетъ съ нимъ въ большой дружбѣ.

Около станціи уже поджидалъ ихъ экипажъ. Носильщикъ вынесъ ихъ багажъ, поставилъ корзину въ ноги кучеру,—и они поѣхали. Проѣхавъ верстъ пять или шесть, Лиля увидала бѣлый домъ съ колоннами и съ зеленой крышей, выглядывавшій изъ-за деревьевъ. Это была усадьба дѣдушки. Когда они подѣзжали къ ней, то бабушка вышла на балконъ и, завидѣвъ ихъ издалека, стала махать имъ платкомъ. Затѣмъ выбѣжали слуги и стали ихъ привѣтствовать.

И едва только Лиля соскочила изъ экипажа и воѣжала въ комнаты дѣдушкинаго дома, какъ первымъ-же дѣломъ спросила:

— А гдѣ дѣдушкина канарейка?

Она знала еще въ Петербургѣ по рассказамъ своей мамы, что у дѣдушки есть канарейка, которая обучена имъ разнымъ штукамъ и слушается приказаній.

— Скоро увидишь, отвѣтила мама.— Во время завтрака ты съ ней познакомишься.

Но до завтрака было еще далеко, а Лилѣ уже теперь хотѣлось ѣсть. Впрочемъ, скоро ихъ позвали къ чаю. Лиля пила отличныя густыя сливки, такія густыя, что въ нихъ стояла ложка, какъ въ сметанѣ; ѣла хлѣбъ съ масломъ и превосходный медъ, вынутый прямо изъ улья. Затѣмъ она выбѣжала въ садъ, помча-

лась къ рѣкѣ, оттуда побѣжала на скотный дворъ, гдѣ скотница Евдоха показала ей маленькихъ овечекъ, и побывала на птичникѣ, гдѣ держала на рукахъ утятъ. Она видѣла, какъ громадная, жирная свинья съ двѣнадцатю поросятами валялась прямо въ лужѣ и какъ павлинъ распушилъ вѣромъ свой хвостъ и закричалъ: мя-у! мя-у! Она не успѣла еще всего пересмотрѣть, какъ вдругъ раздался голосъ мамы, которая звала ее домой.

— Лиля! Гдѣ ты? кричала ей мама.—Иди домой, завтракать пора!

Лиля прибѣжала домой—и такая потная, что волоски прилипли у нея ко лбу и вся рубашка была влажная. Мама стала ее переодѣвать. Затѣмъ онѣ вышли въ столовую. Тамъ былъ только одинъ дѣдушка и поджидалъ ихъ. Онъ сидѣлъ въ большомъ кожаномъ креслѣ, у окна, и на маленькомъ столикѣ около него стояла клѣтка и въ ней прыгала желтенькая канарейка.

Лиля подбѣжала къ дѣдушкѣ и тотчасъ-же стала его просить:

— Дѣдушка, миленькій, выпусти ее! Пусть она полетаетъ на волѣ!

Дѣдушка открылъ дверцу въ клѣтку. Канарейка замѣтила это и выскочила наружу. Минуту или двѣ она прыгала тутъ-же у клѣтки по столу, а затѣмъ перелетѣла на картину, съ картины—на дубовый буфетъ, усѣлась тамъ на самую вершину и стала весело распѣвать.

Вошли мама и бабушка, и всѣ сѣ-

ли затѣмъ завтракать. Тогда канарейка слетѣла съ буфета прямо на обѣденный столъ и стала прыгать между приборовъ и подбирать крошки. Тогда дѣдушка погрозилъ ей пальцемъ и сказалъ:

— Нечего тебѣ здѣсь прыгать! Маршъ ко мнѣ на плечо!

Лиля весело засмѣялась. Канарейка поглядѣла на дѣдушку и перестала клевать.

— Кому-же я говорю? сказалъ дѣдушка.—Лети ко мнѣ на плечо!

Канарейка вспорхнула и сѣла къ дѣдушкѣ на плечо. Дѣдушка въ это время ѣлъ рись изъ-подъ курицы. Поднося ложку ко рту, онъ обратился къ канарейкѣ:

— Можете позавтракать и вы!

Канарейка слетѣла съ плеча на ложку и стала клевать изъ нея рись.

— Довольно, довольно! сказалъ ей дѣдушка. — Вамъ это вредно. Можете снова сѣсть ко мнѣ на плечо!

Канарейка вновь слетѣла къ нему на плечо.

— Теперь можете вокругъ меня побѣгать! продолжалъ дѣдушка.

Тогда канарейка перебѣжала у него съ одного плеча на другое по воротнику его пиджака и по груди вновь пробралась къ другому плечу—и такъ сдѣлала нѣсколько разъ.

Послѣ этого дѣдушка указалъ канарейкѣ пальцемъ на буфетъ.

— Можете снова улетѣть туда, сказалъ онъ ей.

Канарейка тотчасъ-же улетѣла на буфетъ, усѣлась на немъ и такъ и

просидѣла на немъ, пока окончился завтракъ.

Когда - же дѣдушка поднялся съ мѣста, то она снова слетѣла оттуда и усѣлась къ нему на плечо. Затѣмъ ходили гулять, и все время канарейка сидѣла у дѣдушки на плечѣ и не слетала на деревья, и Лиля замѣтила, что дѣдушка только разговаривалъ съ птичкой и ни разу не коснулся ея рукою.

Дѣвочка уже заранѣе приготовлялась увидѣть что-то интересное у дѣдушки относительно канарейки, но то, что она увидѣла сейчасъ, ее прямо восхитило. Проходили затѣмъ дни за днями, она все время проводила у ея клѣтки, разговаривала съ ней или же ходила съ дѣдушкой гулять, въ то время какъ канарейка сидѣла у него на плечѣ. И ей самой очень захотѣлось, чтобы птичка посидѣла на плечѣ и у нея. Но какъ она ни звала ее, она не слушалась ее и не прилетала. Часто, сидя около дѣдушки послѣ завтрака, когда онъ читалъ газету, она видѣла какъ канарейка ковырялась у него на головѣ въ воло-

сахъ, и ей и самой тоже хотѣлось, чтобы она посидѣла и у нея на головѣ. Но дѣдушка всякій разъ строго говорилъ:

— Можете уходить къ себѣ въ клѣтку.

И птичка тотчасъ-же уходила.

Однажды дѣдушка занемогъ и не вышелъ къ завтраку. Дверца въ клѣткѣ все время, по обыкновенію, оставалась открытой и канарейка выходила изъ нея, летала по комнатамъ и вновь возвращалась къ себѣ домой. Послѣ завтрака всѣ разошлись,

— Можете уходить къ себѣ въ клѣтку!

и Лиля осталась въ столовой одна. Она взяла книжку съ картинками, которую припасъ для нея дѣдушка, и стала разсматривать въ ней картинки. Какъ вдругъ какой-то предметъ обратилъ на себя ея вниманіе: это была бабочка, залетѣвшая откуда-то въ комнату и бившаяся о стекла. Лиля поднялась съ дивана, отворила окно и бабочка вылетѣла въ садъ. Лиля возвратилась къ дивану и снова принялась за картинки. Она такъ увлеклась ими, что и не замѣтила, какъ канарейка вышла изъ клѣтки, сдѣлала нѣсколько круговъ покомнатѣ и затѣмъ вылетѣла въ окошко и исчезла въ саду. Она и забыла запереть окно. Когда провѣтривали столовую, то всегда въ клѣткѣ затворяли дверцу, а это-то и позабыла сдѣлать Лиля.

— Мама! Мама! — закричала она въ испугѣ.

Мама сидѣла въ сосѣдней комнатѣ и, услышавъ ея крикъ, тотчасъ же прибѣжала къ ней.

— Что случилось? — спросила она. — Чего ты такъ кричишь?

— Птичка! Птичка! Она тамъ! Улетѣла туда!

Лиля подбѣжала къ окошку и показала въ него на садъ. Тамъ, на ближайшемъ деревѣ, на нижней вѣткѣ, сидѣла канарейка и весело распѣвала. Мама увидала ее, взглянула на опустѣвшую клѣтку — и сердце у нея замерло.

— Неужели это ты отворила окно? — съ тревогой спросила она.

— Я, мамочка, нечаянно... отвѣтила Лиля.

И, боясь, чтобы не потерять времени и не дать птичкѣ улетѣть далеко, мама взяла клѣтку и поставила ее на окно, надѣясь, что канарейка узнаетъ ее и влетитъ въ нее опять, а сама съ Лилей отошла къ сторонѣ и спряталась за занавѣску. Но, къ ея несчастью, канарейка перепорхнула на другое дерево, съ другого на третье, и скоро скрылась изъ виду совсѣмъ.

— Теперь уже она пропадетъ, — грустно сказала мама. — Какая жалость!

И обѣ онѣ еще долго простояли у открытаго окна, и глядѣли вдаль, все еще надѣясь увидѣть въ листьѣхъ улетѣвшую канарейку. Затѣмъ, потерявши уже всякую надежду на ея возвращеніе, пошли сказать дѣдушкѣ.

Несмотря на нездоровье, онъ вышелъ въ столовую самъ. Гнѣвъ и досада наполнили его душу, но, увидя, что его внучка вся въ слезахъ, онъ подавилъ въ себѣ ихъ, взялъ ее на руки и нѣжно поцѣловалъ.

— Ну, ничего, — сказалъ онъ, — не плачь... Мы ее найдемъ! А если не найдемъ, то у меня есть вмѣсто нея другая канареечка — это ты.

Но и у него самого навернулись на глазахъ слезы, и при видѣ ихъ и потому еще, что онъ нѣжно прижималъ ее къ себѣ, она почувствовала всю безысходность своего горя и стала громко рыдать. Подошла мама, взя-

ла ее отъ дѣдушки и отнесла ее къ себѣ въ спальню на кровать. Тамъ Лиля проплакала до тѣхъ поръ, пока не заснула.

Когда она проснулась, то время было уже къ обѣду. Мама поправила на ней волосы и платье, и Лиля побоялась даже спросить у нея, прилетѣла-ли назадъ канарейка, или нѣтъ. И, войдя затѣмъ въ столовую, она все время боялась взглянуть на клѣтку, чтобы не убѣдиться, что ея все еще нѣтъ.

Послѣ обѣда дѣдушка и мама стерегли по очереди, не раздастся-ли вдругъ голосъ канарейки, но время шло, день склонялся къ вечеру, и такъ ея голосъ ни разу и не раздался.

Насталъ вечеръ; солнце стало садиться. Лиля стояла въ своей спальнѣ у окна и смотрѣла въ садъ. Это она часто любила дѣлать. Комната была во второмъ этажѣ, и оттуда открывался красивый видъ на садъ, рѣку и село. Отъ лучей вечерняго солнца теперь все было покрыто въ оранжевый цвѣтъ. Маленькія перламутровыя облачка ползли по небу. Скоро они стали розовыми, затѣмъ красными и превратились вдругъ въ лиловые. Лиля смотрѣла на нихъ, но теперь уже ее не радовало ничто: она тосковала по улетѣвшей птичкѣ.

Какъ вдругъ она услышала ясный, звонкій голосъ, такое пѣніе, на какое была способна только одна канарейка. Она отворила окно и взглянула въ садъ. На вѣткѣ липы сидѣла маленькая желтенькая птич-

ка и взмахивала крылышками. Лиля взвизгнула, тотчасъ-же сбѣжала внизъ и, какъ вихрь, влетѣла въ ту комнату, гдѣ сидѣли ея мама и дѣдушка и вели между собою разговоръ.

— Дѣдушка!—закричала она, что было силъ.—Канарейка прилетѣла!

Дѣдушка вскочилъ.

— Гдѣ? гдѣ?—спросилъ онъ.

— Тамъ въ саду, на деревѣ! Бѣжимъ поскорѣе!

Дѣдушка взялъ ее за руку.

— Нѣтъ, вы останьтесь обѣ здѣсь, —обратился онъ и къ бабушкѣ, и къ мамѣ, которыя тоже вскопили со своихъ мѣстъ и хотѣли выбѣжать въ садъ.

Затѣмъ онъ и внучка вышли въ садъ и стали передъ деревомъ, на которомъ сидѣла канарейка.

Лиля стояла, затаивъ дыханіе. Дѣдушка подошелъ поближе къ дереву и показалъ канарейкѣ на свое плечо.

— Пожалуйте сюда! — сказалъ онъ.—Нечего вамъ бродяжничать!

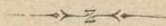
Канарейка слетѣла съ дерева и сѣла къ нему на плечо. Дѣдушка торжественно внесъ ее въ комнату.

— А теперь потрудитесь отправиться къ себѣ домой, — обратился къ ней дѣдушка.

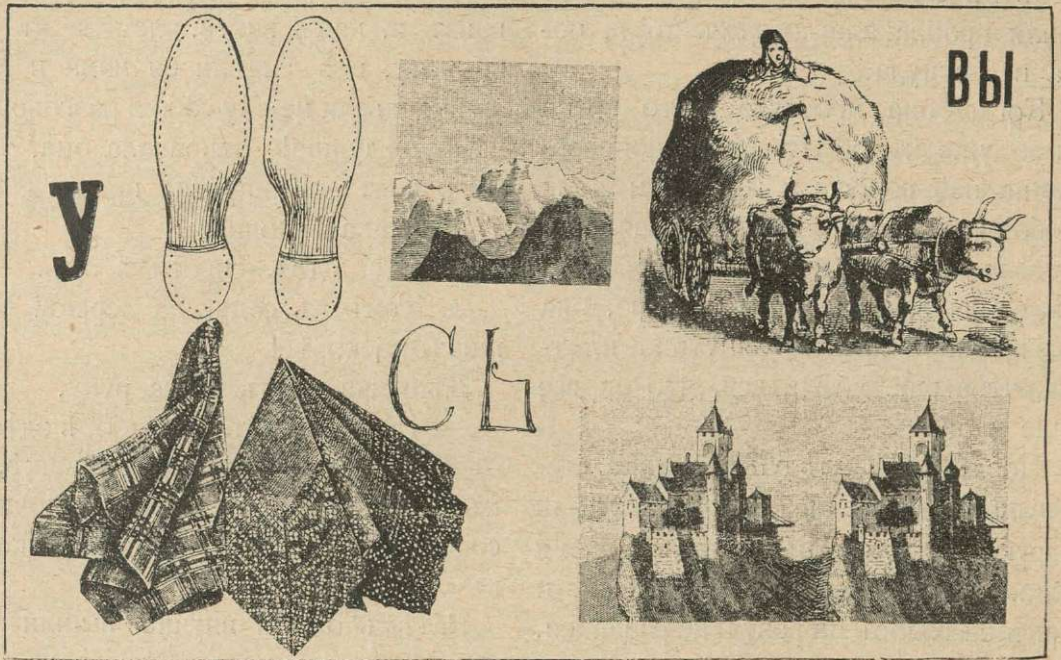
Птичка слетѣла съ его плеча, юркнула къ себѣ въ клѣтку и, попрыгавъ въ ней немного, засунула головку къ себѣ подъ крылышко, и, какъ ни въ чемъ не бывало, устроилась на ночлегъ.

Лиля торжествовала.

по Е. Н. Smith.

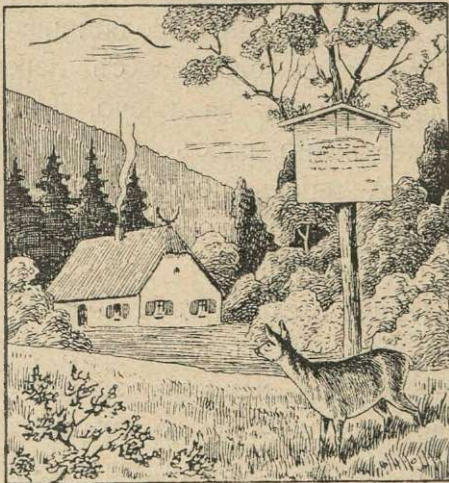

РЕБУСЪ № 7.

Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ этотъ ребусъ будутъ напечатаны.

За отсутствіемъ мѣста фамиліи подписчиковъ, правильно рѣшившихъ задачи и головоломки, помѣщенные въ №№ 10 и 11 «Золотого Дѣтства», будутъ напечатаны въ слѣдующемъ номерѣ.

Гдѣ два владѣльца этого домика?

Гдѣ ночной сторожъ?

Годъ изданія третій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

При каждомъ номерѣ приложенія (выкройки, игры, картонажи для склеиванія, литературныя и другія).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается: а) для иногородныхъ—въ **Конторѣ** журнала „Золотое Дѣтство“, **С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3;** б) для городскихъ подписчиковъ—въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40) и Т-ва М. О. Вольфъ (Гостиный Дворъ и Невскій).

➡ Подписной годъ съ 1-го ноября. ➡

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“ за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.

Можно выписывать изъ Редакціи „Золотое Дѣтство“

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

